

УДК 1:2+2:1

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.29.101>

Характер сопричастности дистантных ощущений к иллюзорно-религиозной стороне духовного настроения индивида. К постановке вопроса

Н. С. Коноплёв

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрена иллюзорная составляющая дистантных ощущений индивида, приводящая его сознание к сближению с религией. Анализ, показывая автор, вскрывая причастность иллюзий зрения и слуха к религии, подводит читателя к выводу о том, что разум и связанная с ним практика содействуют снятию «иллюзорной пелены».

Ключевые слова: дистантные ощущения – зрение, слух; духовность, иллюзии, религия, Гомер, Одиссей, сирены, Платон, Аристотель, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, энергия внешнего раздражения, звук, слух, бытие, инобытие.

Для цитирования: Коноплёв Н. С. Характер сопричастности дистантных ощущений к иллюзорно-религиозной стороне духовного настроения индивида. К постановке вопроса // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2019. Т. 29. С. 101–117. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.29.101>

Ощущение зрения затверждается пространством – с выходом на иллюзорно складывающуюся религию. К дистантным ощущениям относим зрение и слух (проблематичность обоняния не позволяет пока включить его в «дистантный круг»). Первое место здесь принадлежит зрению, на которое падает основной массив поступающей извне информации (гораздо меньший показатель у слуха, содействующего как проживанию индивидом изменчивости, так и пребыванию его в состоянии равновесия). Зрение и слух (отлаживаясь миллионами лет, прежде чем отозваться человеческим совершенством) – результаты жизненно сложившихся ответов на вызовы окружающей среды. Последние связаны с движением – единственным способом существования реальной действительности, воспроизводящим себя противоречивой соотносительностью двух своих сторон – устойчивости и изменчивости. Ощущение зрения формировалось в качестве ответа на ту сторону движения, которая представлена устойчивостью – его пространственной составляющей (и хотя каждый из дистантных ощущений специфичен, между ними существует связь; ее мы не рассматриваем). Какой, однако, вызов человеку несет пространство как устойчивость при его (т. е. индивида) высоком «обозревательно-процентном» показателе зрения?

Устойчивость как сторона движения функционально «заряжается» пространством макромира. Имеется также «пространственно сложенный» микромир, где присутствует еще одна функция устойчивости, и, думается, она

не последняя. Вместе они организуют инвариант предметно отгачиваемой устойчивости – одной из двух (повторимся) основных сторон движения. Но этот аспект вселенски задействованной устойчивости мало затрагивает ощущение зрения (хотя в отдаленном будущем он может актуализоваться). ...Однако и при бытовом – земном – ее «прогоне» зрению как дистантному ощущению надлежит постоянно быть начеку, поскольку оно всякий раз впадает в «иллюзорный обвал». *Иллюзия* заключается в том, что охватываемое зрением пространство – именно потому, что оно простирается «убедительным макрорасстоянием», – неадекватно (т. е. иллюзорно) воспроизводится в окружающих предметах: издали они кажутся зрению весьма малыми. Но, сближаясь с ними, субъект вынужден соглашаться с тем, что предметы оборачиваются «актуальной себеподобностью». Представ «самим собой», затерянный расстоянием предмет в глазах субъекта деятельности преодолел иллюзорность его восприятия. Это достижимо также благодаря корректировке – со стороны заложенного в отмечаемом субъекте рассудка – чувственно «всплывающей» иллюзии. Под рациональным воздействием субъект деятельности, обратив внимание на отдаленный предмет, вполне соответствующим образом воспринимает его. Да, иллюзорно «поставляемое» – при его «чувственном поглощении» – содержание предмета оказывается изначально преодоленным вмешательством рассудка. Соприкасаясь с предметом, практика закрепляет истинное отношение к нему. Снятая с «повестки дня» иллюзия ждет случая, чтобы снова вмешаться.

Нужно, однако, заметить, что, поскольку зрение принадлежит субъекту деятельности и без него невыполнимо, именно субъект, оперирующий зрением, является «виновником» запускаемой на отражательную деятельность иллюзии. Уточняя тему, обратимся к философии Платона (427–347 гг. до н. э.). Зримый мир в ней непомерно иллюзорен – лишен подлинности. Выходит, связанную с деятельностью зрения иллюзию философ отождествляет с «припечатываемым» пространством. ...Мы согласны с тем, что субъектно развернутая иллюзия претворяет видимый мир. Следуя этой логике, принимаем мир идей порождающим «земную статью». У Платона божественные идеи вечны и неизменны, а также свободны от движения.

Рационалист Платон преподносит урок оперирования «поглощающим» пространством зрением, которое (т. е. пространство) для ряда античных философов – главный (методологически запущенный) поисковый инструмент. (Это вполне объяснимо, поскольку возможности другого дистантного ощущения – слуха – связаны с усложняющимся познанием, подтверждаемым учением Аристотеля (384–322 гг. до н. э.) Но еще до становления древнегреческой философской классики место дистантных ощущений в раскрытии «пространственно-временного континуума» выдвигает, как это мы намерены показать, Гомер (VIII в. до н. э.) – великий устроитель духовного каркаса человечества. Надо ли повторять слова А. С. Пушкина: «... ты, божественный Омир, // Ты, тридцати веков кумир!» [4, с. 119], чтобы убедиться в истинности положения: «Незрячий Старец – наше все»? И каждый, кто размышляет о культуре в бурном цивилизационном переобустройстве социума, не может не согласиться с нами.) Идеализм Платона – повторимся – выстраивается благодаря зрению, сопутствующему этой философии. Связанное с

его иллюзорным освещением пространство позволяет «выследить» удерживаемое им *место* (его также исследует Аристотель). Место, как это можно представить по Платону, являет собою часть пространства – глубокую *пещеру*. Находясь в ней, человек отражает нечто чувственно воспринятое, далекое от сферы идеального. Пещера – местонахождение для превратного (т. е. иллюзорно очерченного) существования изгоев. Отталкиваясь от платоновского пещерно «слаженного» места, разум сполна осознает высшее назначение идеальной реальности, и созидаемая затем Аристотелем теоретическая система обретает категориальный аппарат – язык философии.

Следуя Платону, мы выявляем возможности зрения через тот «пещерный катаклизм», который смещает дальнепространственные реалии в сторону их отождествления с «близлежащей предметностью» (а ею является все та же унижающая человеческое достоинство ненавистная рабская пещера). Ибо оно, зрение, властно контактирует и с «тамошним», и со «здешним» «пространственными приходами». При этом в «здешних» очертаниях зрение освобождается от «иллюзорной тамошности», уже не имеющей значения для «здесь и теперь». Но снова возникает вопрос: в рамках «здесь и теперь» сохраняются ли условия для их иллюзорного «промера»? Да, иллюзия не исчезает, но смещается в иную плоскость. Когда я рассматриваю сидящих в помещении посетителей, то хорошо их вижу – вплоть до обозначенных на каждом лице мелких черт. Как субъект деятельности, я воспроизвожу результаты отражения серией образов, и это понятно. Затем отождествляю их с лицами присутствующих. Но здесь и дает о себе знать сместившаяся с «дальних пределов» в сферу «конкретных очертаний» слабоуловимая иллюзия. Она присутствует как неперемный «ситуативный факт». Такое случается потому, что складывающиеся на отражательной основе образы («объекты» на языке философии), будучи прозрачными, «играют с нами в прятки». Прикрываясь «флером», они создают впечатление полного тождества образа и его носителя. Однако порождаемый образ – при всем внешнем сходстве с его «денотатом» – всего лишь объект воспроизводимого мною мира, но не сам этот мир.

В бытовых условиях нет особой надобности заниматься «отчленением» образов от их «оригиналов». Знать же об этом мы должны. Ведь на таких «иллюзорных нюансах» концентрируются всевозможные превратности, невыверяемые поступки. Например, становление *религии* достаточно удобно обусловлено «фактом» иллюзорности зрения. Превращенные формы сознания, «оккупирующие» философию, религию, насущный бытоуклад, движимы под непосредственным воздействием различных, включая дистантные (и, в частности, зрительные), ощущений. У Платона иллюзии пресекли связь чувственного и рационального уровней постигаемой действительности, и это обернулось объективным идеализмом. Но вот мы зрительно-отражательную деятельность переместили в «малый круг» общения, и это также привело к мистификации ее результатов. Случилось то, под воздействием чего образ (объект) предметного мира иллюзорно закрепился в качестве *фантазии*. На ее основе – и это замечено давно – «прорезается» преобразованная запечатленность существующих реалий, одним из видов которых – упомянули мы – становится религия. «Обрученная» с фантазией, она

овладевает подсознанием индивида, подводя его к «сладостному самоотчуждению». Кроме того, фантазийно обставленная иллюзия господствует в практике общения (она «затушевывает» ее неудобства). Но в обоих случаях индивид невольно подчиняется «формуле»: «Жизнь есть сон».

Зрение преподносит мир красочно исполненным. «Сам же по себе» он – бесцветно процессуален. Так радуга в цвете дана только тому, кто ее воспринимает. Это и выражено восходящим к античности емким положением: «*Субъективное восприятие объективной реальности*». Древние умели видеть в нем «иллюзорную загрузку». Радуюсь наблюдаемым красотам, мы закрепляемся их уютом. Иллюзии по-своему делают нашу жизнь подчеркнуто очеловеченной, но все менее нам принадлежащей (этот тупик мы зачастую «стесняемся» осознать). Сказывается фактор индивидуального или коллективизированного «самоотстранения». Впрочем, кому-то данное состояние по душе, против чего трудно возражать.

Так вот, воспроизводя зрительно-иллюзорную «самоотдачу», станем помнить: во всем нужна мера. Отсутствие ее ведет к непредсказуемому ослаблению. Рассматривая зрительные иллюзии, мы – при «наоборотном» (как было показано выше) их посредничестве – расширяем знания об устойчивости. Последняя как сторона движения старается удерживать от нас «свои секреты». Об этом следует помнить, чтобы, овладевая ими, мы интенсивнее оберегали созданную предками социальную форму движения материи. Роль ощущения зрения здесь беспрецедентна. Иллюзорно насыщенное зрение придало амбивалентную выразимость нашему существованию, позволило перевести его в разряд того совершенства, опираясь на которое мы полюбили Землю как ближний Космос, и это направляет человечество на освоение «запредельных далей».

Пытаясь проиллюстрировать освоение «глобально нависшей» устойчивости (правда, в границах ближнего Космоса), мы опирались на ощущение зрения. В нем мир «обернулся» продолжением нашего «Я», и философской подоплекой его освоения затверделись «субъектно-субъектные взаимоусилия». Опираясь на них, человечество, будем надеяться, преодолет «потребительскую страсть» к социальной форме движения материи, к ближнему Космосу. Дальнейшее совершенствование зрения, с целью большей наглядности жизненного ряда, произойдет в открывающейся *ноосфере* – значимом посреднике сближения социальной формы движения материи с «дальне-космическим прибрежьем».

Сложности с ощущением слуха при раскрытии иллюзорно «вздернутой» изменчивости. Приобщимся теперь к другому дистантному ощущению – ощущению слуха. Оно связано с ответами на вызовы, исходящие от изменчивости. Тут еще более обширный набор ожидающих трудностей, и главная из них – как выжить в непрекращающейся «сутолоке»? ...Вы всегда во власти изменчивости, и она сокрыта «изгибами» времени. Если настроенное на устойчивость пространство подвластно обозрению, то «ускользающая» изменчивость – таинственна. Однако мудрая природа помогла всему живому, в том числе человеку, справиться с «вызовами от изменчивости». Эта бесценная помощь состояла в том, что живой мир – и человек на первом

месте – наделен возможностью перевода *механической энергии* в *энергию звука* с параллельным обустройством органа слуха.

Открывается путь к усиленной вербализации. В далекие (*Кембрийский период*, 541–485 млн л. н.) времена, когда отдельные представители фауны осваивали сушу (однако описываемый процесс находил себя до этого и в воде), их «работающие» челюсти оказывали интенсивное воздействие на пребывающие в параллельно складывающемся среднем ухе три (молоточек, наковальня, стремечко) слуховые косточки. Взаимодействующие с ними челюсти и стимулировали перевод наличествующей в нем – взаимодействии – механической энергии в упомянутую энергию звука. Это означало, что поступающая извне информационно «сдобренная» процессуальность, теперь уже становящаяся потоком звуков, отождествлялась со слуховым полем. И ухо обращалось в орган слуха (который – мы помним это – также является органом равновесия): оно – мотор по преобразованию энергии внешнего раздражения в звуковую реальность (контролирующую становление слуха). Слух же – мы имеем в виду его принадлежность человеку – есть способ обработки звука при переходе информации в знание. В этой связи нелишним будет сослаться на авторитет В. И. Ленина (1870–1924 гг.): «Для всякого естествоиспытателя, не сбитого с толку профессорской философией, как и для всякого материалиста, ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания. Это превращение каждый человек миллионы раз наблюдал и наблюдает действительно на каждом шагу» [3, с. 46]. Сегодня эта энергия, закрепляясь в сознательном отношении индивида к его окружению, активно, как это видно по приводимой цитате из книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», перемещает информацию в знание (по ходу изложения выскажемся так, что хотя В. И. Ленин не пользуется отсутствующим в его время термином «информация», но учение великого мыслителя о знании, фрагмент которого представлен вышеприведенной цитатой, опираясь на им же обоснованную *теорию отражения*, именно в информационном ракурсе задает программу научных исследований). То, как энергия, пронизывая мозг, воздействует на приоткрывающуюся духовность, а последняя в свою очередь претворяется делом, можно проследить (по интернет-передаче) на примере английского космолога Стивена Хокинга (1942–2018 гг.), движением глаз печатавшего компьютерные тексты. Однако не следует соглашаться с тем, что (как это, скажем, утверждают индийские учителя мудрости – махатмы) мысль материальна. Для нас, следующих за основными положениями материалистической философии, в пронизанной мыслью духовности наиболее полно сконцентрирован ее идеальный концепт.

Заключая вышеприведенное обсуждение того, как исторически складывался слух в рамках организованной материи, следует, очевидно, прийти к выводу, что, с одной стороны, ощущение слуха – счастливый результат длительной *эволюции* Вселенной после Большого взрыва, случившегося 14,6 млрд л. н. С другой стороны, слух сложился тогда, когда эволюция мироздания поставила его (т. е. мироздание) на соответствующий уровень. И социальная форма движения материи, словно пик совершенствующегося

вселенского порядка, позволяет раскрывать эволюционные тайны. Еще недавно они были плотно закрыты.

Употребляя термин «эволюция», по содержанию тождественный «изменчивости», мы поднимаемся до осознания «мужающей» роли ощущения слуха в предстоящих событиях по космизации познания. Это связано с тем, что усиливающаяся жизненная быстротечность своим завораживающим звукорядом прямо-таки требует от нас мгновенной слухово оформленной реакции. Но готовы ли мы к решению стоящих перед человечеством грандиозных задач? Ведь если мы внимательно присмотримся к ощущению слуха, то иллюзорности здесь, как было упомянуто выше, окажется гораздо больше, чем в ощущении зрения. Действительно, как мы могли видеть, и слух, и звук – вполне иллюзорны, хотя воспроизведены несколько иначе, чем иллюзорность зрения. Посмотрим на многоаспектную «слуховую ситуацию» еще с одной стороны. «Жевательно-челюстная» механическая энергия живого существа настраивает компоненты среднего уха (и речь, очевидно, может идти об органе слуха в целом) на восприятие поступающей из внешнего мира разнородно-материальной процессуальности как четко фиксируемого (потенциального) звукоряда. За пределами органа слуха никаких звуков быть не может. Запечатлеваясь материально-энергетической основой, звуки выступают ее функцией. Слуховой статус им придает складывающееся положение живого существа под влиянием стремительно развертывающейся изменчивости.

Выше мы восхитились эволюцией Вселенной, «узнающей» себя в «осоциальном развороте». Важнейшим средством ее «самоузнавания» выступает обуславливаемый практикой интеллект. Рефлексируя социальностью, он использует для этого *слово*. Слово через звук связано с органом слуха. Круг замкнулся... Нам нужно снова проигрывать проблему становления слуха, но теперь мы знаем, что природа «во всеоружии» овладевает своими обязанностями: со «знанием дела» подходит к их исполнению. Современная – постнеклассическая – научная картина мира (кратко – *постнеклассика*), используя общенаучный системно-структурный подход, раскрывает движение через тесную взаимосвязь устойчивости и изменчивости, внутреннее слияние которых по-настоящему определяет движение как единственный способ существования материи. Используя *трансдисциплинарную* методологию (связывающую «полярные» методы в цельно заостренный конструкт), «постнеклассика» «улавливает» *негэнтропию* – способ организации жизни. Жизнь, повторяем, промеряясь ответом на окружающие вызовы, совершенствуема *позитивной диалектикой* (существует и *негативная диалектика*, о ней следует специально говорить). Будучи пиком позитивной диалектики, дистантное ощущение слуха сопрягает вышерассмотренную устойчивость, представленную в органе слуха феноменом равновесия (поскольку, как было сказано, внутреннее ухо – орган слуха и равновесия; равновесие же – аспект утверждения устойчивости), с противостоящей ей изменчивостью. Между названными компонентами ощущения слуха ведется диалог. В ходе эволюции он осуществил качественные преобразования, содержанием которых стала прослеженная выше структура среднего уха. Механическая энергия челюсти, сказали мы, содействовала преобразованию

поступающей извне энергии в субъектно преломляемую энергию звука. Здесь мы на примере органа слуха рассматриваем один из взлетов пронизанной диалектикой Вселенной. Его – органа слуха – сопряженность с ощущением равновесия позволяет индивиду воспринимать изменчивость и, опираясь на устойчивость, оперировать ею (т. е. изменчивостью). В связи со сказанным процитируем великого мыслителя Ф. Энгельса (1820–1895 гг.). «Коротко говоря, – пишет он, – формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать друг другу*» [6, с. 489]. Благодаря означенной потребности совершенствуется орган слуха, амбивалентно соотнося устойчивое состояние индивида с его изменчивым раскладом. Потребность же заставила так отструктурировать ухо, что оно перевело внешнее раздражение в звуковое поле. Тонкости этого процесса ждут своего объяснения.

Под влиянием субъективного фактора звук и слух, амбивалентно соотносясь, предстали успешно отлаженной речью. Подготовленное для взаимодействия с внешним миром живое существо постоянно – повторяем это – сталкивается с опасностью, исходящей от меняющейся обстановки. Потребность защиты, при нарастающей «экологической разверстке», преобразовывает ощущения, делает их более «отзывчивыми» для совершенствования социальной формы движения материи. Причастность последней к общежитию притупляет негативное воздействие глобальных вызовов, скрашивает наше существование слуховыми иллюзиями. Мы хорошо представляем, что «беззвучие зрения» – норма этого ощущения. Она связана с тем, что открытое для нас пространство преисполнено, выразимся так, *голограммностью* (т. е. прозрачной объемностью). Проникаясь ею, зрение, даже если оно «грешит» иллюзорностью, все равно использует это обстоятельство для естественного применения того или иного пространственно занимаемого места.

Устойчивость мира, срезом (или важной стороной) которого является пространство, приобщает индивида к телесному расслаблению и чувственной рассредоточенности. И это позволяет каждому из нас хотя бы на мгновение побыть самим собой. Но все меняется при свертывании устойчивости. Наступает пора проживания непременно озвучиваемой изменчивости, и слуховые ощущения подчиняют резким переменам организменные перипетии. В этой связи уточним «картинку» иллюзорного среза ощущения слуха. Иллюзии – мы помним – неадекватно воспроизводят отдельные стороны нашей жизни, и это типично для всех ощущений – как уже отмеченных внешних, так и внутренних (назовем их: тактильные, висцеральные, кинестетические, болевые, температурные, равновесия, вибрационные; попутно отметим: мы пользуемся классификацией ощущений в традициях, издавна сложившихся в отечественной науке). Но иллюзорность каждого из названных ощущений выглядит по-разному. Нас, повторимся, интересует внешнее – дистантное ощущение слуха. Оно призвано фиксировать иллюзорность восприятия изменчивости – по крайней мере напоминать о том, что беспечность по адресу опасных для человека «страшилок» ведет к серьезным просчетам. Но как в целом выражать отношение к уху, коль скоро его основные компоненты – звук и слух – являются производными от нашей субъектности: их нет за ее пределами? В силу этого сама изменчивость обладает для нас широкой неопределенностью. Она умело прячется за «слухо-

выми напастями», которые оборачиваются «набором иллюзорных плясок». Стоит об этом помнить. Для каждого изменчивость – своеобразная «улыбка чеширского кота»: хотя мы ее наблюдаем, но она неуловима. Поспешая за нею, мы теряем себя. Главная «хитрость» изменчивости – одаривать индивида стремлением быть собою и никогда не позволять ему добиваться «самости». Но это и есть та фундаментальная иллюзия, выражением которой, собственно, и обусловлена изменчивость. Если философски на это взглянуть – предстоит выявить бытийный статус изменчивости, а в чем он себя выражает? И если вдруг он исчезает, как упомянутый «чеширский кот», не отдать ли его на пользование сознанию «простолюдина» – с его «сказочными пристастиями»? Однако, к примеру, наука доказательно обосновывает существование элементарных частиц, недоступных ощущениям; и с этим все согласны (и никому не придет в голову дарить их «расхожей обыденности»).

Попытаемся взглянуть на изменчивость с онтологических позиций, согласно которым данная реальность – а это предметно выраженная изменчивость – оборачивается полноценным *бытием*. Опять обратимся к истории философии. Глава Элейской школы Парменид (ок. 540–470 гг. до н. э.) утверждал, что сущее имеет место быть (т. е. обладает бытием); не-сущему в бытии отказано. Утверждение выглядит довольно странно, но не будем торопиться. Под бытием элеаты понимали космически неизменное совершенство. Такое бытие подлежит многомерному истолкованию, проводимому онтологией – основным элементом предмета философии. И философия – высшая исследовательская инстанция – велит онтологии отсекают *небытие* от бытия. «Небытие» здесь уже не является философской категорией. И, будучи за бортом философии, небытие элеатов – своеобразная иллюзия, непригодная к какому бы то ни было употреблению. Но с этим не согласились атомисты. Так, Демокрит (ок. 460 – ок. 370 гг. до н. э.) приходит к важному заключению о *пустоте* как аналоге элеатовского небытия. Он утверждает, что атомарное обустройство Вселенной при отсутствии пустоты невозможно, поскольку это нежелательное обстоятельство тормозит естественное расположение атомных структур. Отсюда напрашивается замечание о том, что «не-сущее вне бытия» замещается пустотой как важным компонентом бытийности. В указанном резюме материальная структура бытия вбирает устойчивость и изменчивость, и это придает складывающейся философии соответствующую завершенность.

Философия с первых шагов столкнулась с необходимостью выявлять иллюзии, выводя их на «чистую воду». Массовая индивидуализация социума придала законченность этому положению. Ввиду численного подъема иллюзий онтологии как учению о бытии довольно неуместно располагаться с разборкой в их «номенклатурном прибежище». Ее – разборку – удобнее завершать, переместившись на светлую площадку рациональных размышлений – с голограммным просвечиванием иллюзий (включая иллюзорную религиозность). Тогда и онтология почувствует силу вдохновения.

Возвращаясь к рассмотрению иллюзорных аспектов изменчивости, мы вынесли из рассуждений наших античных предшественников важное положение о том, что иллюзии прежде всего являют собою «действенное небытие». Выходит, изменчивость подлежит признанию ее как в качестве бытия,

так и в качестве небытия. Разноаспектно звуча, такое понимание изменчивости расширяет познавательные возможности. В. И. Ленин констатировал: «Ум человеческий открыл много диковинного в природе и открывает еще больше, увеличивая тем свою власть над ней» [3, с. 298]. В меняющемся мире иллюзорным будет все то, что выражает текучесть событий, поскольку изменение организует инобытийность сущего. «Профанному» (т. е. несведущему) сознанию она и предстает иллюзией (хотя «фактажно» выделанное профанное сознание принимает ее за «чистую монету»), что на деле совсем не так. И поскольку онтология в инобытийности предметного мира видит оборотную сторону того самого бытия, анализу которого посвящает свою деятельность, она тем не менее оказывается бессильной что-либо предпринять в обоснование бытийного статуса инобытийности (несостоятельность идеализма здесь в том, что статус инобытийности обретает «видимость симулякра» – копии без оригинала). С этим нужно считаться, будучи убежденным в том, что волны инобытийности в каждый следующий момент уступают место подлинно бытийному статусу рассматриваемого предмета.

Таковы объективные предпосылки «иллюзорной пелены» при рассмотрении объективно воспроизводимой изменчивости. И это весьма показательно, так как ставит в затруднение равносильно насыщенное ощущение слуха. Человеческая духовность, включая науку и философию, раскрывает бытийно развернутое место личности. Миру же нет никакого дела, бытийно или внебытийно воспринимает его индивид. Ф. И. Тютчев (1803–1873 гг.) гениально сие «прокомментировал»: «Природа знать не знает о былом, // Ей чужды наши прозрачные годы, // И перед ней мы смутно сознаем // Самих себя – лишь грезю природы. // Поочередно всех своих детей, // Свершающих свой подвиг бесполезный, // Она равно приветствует своей // Всеплощающей и миротворной бездной» [5, с. 61]. Но человеку не все равно, бытийно или внебытийно овладевает он «почвой» (т. е. жизненным положением). Наделенный духовностью – ею и затверждаем индивид. Его весьма волнует онтологически интерпретируемое ощущение слуха, благодаря которому интенсифицируется выживание.

При решении отмечаемой проблематики онтология (а значит, включающая ее научная философия) явно пробуксовывает. Важно не запутаться иллюзорными наваждениями, но своевременно использовать их, и тогда истина – с нами! Так и стремимся поступать, и наши шаги на прочность выверяются коллективизмом.

Воспроизводимая органом слуха изменчивость – в фокусе иллюзорно-религиозных колебаний. Выше мы сказали, что ощущение слуха складывалось под влиянием всеохватной изменчивости, представшей человеку «обликом» неумолимой иллюзии. Иллюзия обернулась религиозными исканиями. Воспринимая изменчивость как иллюзию, первобытный человек сакрально ею оперировал. И постепенно она оборачивалась божеством.

Это было когда-то. Но и сегодня многие (каждый по-своему) боготворят иллюзии, не сознавая угроз от неожиданно наезжающей на них изменчивости. И если предметная основа нашей жизни «провально» иллюзорна, а мы ее воспринимаем «взаправду», то в этом-де «повинны» звук и слух (т. е. ощущение слуха). Правомочны ли претензии к уху? Постараемся снова их

скорректировать. Да, на звуке и слухе «срабатывает» иллюзия, обманчиво толкуя наше понимание меняющейся среды. Складываясь на «субъективных предначертаниях» (а иных быть не может), ощущение слуха оперирует вымышленно-вербализуемыми заготовками, такими как «от судьбы не уйдешь», «радость приходит свыше», «человек преодолет зло и заслужит вечной жизни», «жить – как не сеющие и не жнущие птицы небесные», «народ-богоносец всегда пред глазами Всевышнего»... Такие «слова» вряд ли имели бы хождение, не зачаровываясь их авторы различными «слуховыми передержками», которые, к примеру, веками использовали «возвышенные иллюзионисты». Так, в Древнем Риме, воспринявшем традиции античности, они прозывались авгурами – гадателями. У Гомера это мифические сирены, будто бы прозревающие человеческие судьбы. Их две, и они – персонажи его величавой поэмы «Одиссея» [1, с. 556–566]. Одна из сирен – Пейсиноя – славилась игрой на кифаре; другая – Аглаофа – завораживающе пела. Обе, живя на острове Анфемоэссеу близ Сицилии, привлекали моряков не только своей музыкальностью, но также неотразимо – как впоследствии такое случится с царицей Клеопатрой (69–30 гг. до н. э.) – заманивающей страстью. После «гостей» убивали, выпивая кровь. Преисполненные «магизмом» (т. е. «сверхъестественным» умением манипулировать реальностью, в частности – но это не пройдет! – Одиссеем и его спутниками) сирены (верхняя часть туловища которых была прелестно женственной, а нижняя – птичьей; и этот «телесный абсурд» вызывал у посетителей страх общения с двумя «демоническими гетерами» и вместе с тем неуемно-животную страсть) выставляли себя, выразимся так, «на распродажу». Создавалось впечатление, что предоставленный сиренам остров божественно обустроен. Посвященный сиренам текст поэмы преисполнен иллюзией, за которой обнаруживаются вполне земные реалии (море, остров и та изменчивость, которая связана с плывущим на корабле экипажем). Но иллюзия также прикрывает магию, связанную с поступками сирен. Магия здесь еще не религия, но начало ей положено «упрямыми фактами». Главный из них заключается в том, что, проплывая мимо острова сирен, Одиссей залепил уши путникам воском, а себя велел привязать к мачте. Когда моряки благополучно миновали опасность, сирены бросились в море, превратившись в утесы. Им было предсказана гибель, если любой проходящий мимо корабль не пристанет к необычному острову.

Мы видим, что изменчивость – движение судна – несет разнонаправленные результаты. Одни из «пассажиров» (те, кому залепили уши воском) на время лишились звуковой реальности, которая как иллюзия могла бы сыграть отрицательную роль, включись они – спутники Одиссея – в восприятие «песенного творчества». Значит, звуком (речью) можно пользоваться исключительно с жизненно значимыми изгибами изменчивости – тогда когда изменчивость от вас никуда не спряталась, но вся на виду. В то же время на примере привязанного к мачте Одиссея, воспринимающего неповторимое пение, убеждаемся: рационально-практически корректируемый звук отбрасывает иллюзию, включая звуковую реальность в посюсторонний – земной – антураж. Судьба же превращенных в утесы сирен подчеркивает несбыточность иллюзорных завихрений. Связывая ощущение слуха с из-

менчивостью, мы – вослед Гомеру – желаем герметизировать звуковую иллюзию с дальнейшей ее элиминацией.

Достоинство осуществленный «эксперимент Одиссея» – пример эллинистического духовно-практического прорыва в наши дни. Побеседуем о взятом из бессмертного творения примере, могущем приблизить нас к более полному распознаванию иллюзорности. Важным здесь будет то, что сцена из поэмы Гомера изображает иллюзорно насыщенное наваждение (т. е. внушенное «нечистой силой» течение событий). В случае с Одиссеем оно состояло в том, что «нечистая сила» разместила между догмами (т. е. духовными посылами) тех, которые – а были они традиционными предсказателями – обещали сиренам безбоязненное существование, и вполне цивилизационной духовностью Одиссея (будучи «наглядным интеллектуалом»), этот муж богатым опытом совершенствует разум, оттачивая его до уровня современной ему «неолитической научности», и блестяще переигрывает «архаику» предсказателей, пытавшихся внушить сиренам «вчерашний день»). Значит, «нечистая сила» является таковой только с отживающих позиций. Одиссеем же преисполнен ею как путеводной звездой, влекущей его на родину – в Итаку.

Воспримем заимствованную у Гомера ситуацию как нечто «всамделишное», чтобы яснее представить тему изложения. Одиссеем и его спутники – в напряженном состоянии. Они должны пережить нечто катастрофическое – услышать неземное пение и распрощаться с жизнью. Последнее их не устраивает, но предстоящее пение воодушевляет. Сирены же настроены на то, что корабль, пристав к берегу, станет заложником «неотмирного представления». Они воплощают собою своеобразно выраженную суть европейской цивилизации (или евроцивилизации). Она выстроена так, что, будучи изначально жестокой (Европа – знаем мы – «одарила» человечество бессмысленно-смертельными боями гладиаторов, всесветным колониальным гнетом и двумя мировыми войнами), сопровождала это состояние совершеннейшим (сложившийся парадокс ждет своего осмысления) – особенно музыкальным – искусством (в данной связи помеченным игрой легендарного Орфея, приурочиваемого к VI в. до н. э., героического Л. Бетховена (1870–1827 гг.), лиричнейшего Дж. Верди (1813–1901 гг.)). Евроцивилизация, порожденная частной собственностью, подталкивала личность к потребительству, ныне охватившему *ойкумену*. И личность замирала в человеке, представавшем не более чем случайным набором разнородных функций. Гений обращался в «средство» достижения эстетических высот, и к нему евроцивилизация относилась чисто потребительски. Ведь она, как это было в Древнем Риме, жаждала одного – «хлеба и зрелищ». Скатившись на путь корпоративного индивидуализма, она совершенствовала интеллект – с дальнейшим переводом его результатов в отрицательные «достижения» НТР.

Однобокость евроцивилизации связана с великим поражением женского пола, случившемся при трансформации общечеловеческой культуры в раскрывшуюся последними тысячелетиями глобальную цивилизацию (прервемся на минуту и отметим: согласно английскому культурологу А. Д. Тойнби (1889–1975 гг.), 21 цивилизация осваивала земной шар, и не каждая из всех цивилизаций складывалась на основе частной собственности, как это случилось с евроцивилизацией; так мы, россияне, цивилизовались

общинным укладом. Но Запад, развернувшийся на частнособственнической волне в ходе великого поражения женского пола, отличился невиданным прогрессом и оккупировал «белый свет»). Конкретно это означало, что евроцивилизация стала развиваться по мужским стандартам, т. е. в духе абсолютизации социально выраженной изменчивости – с неограниченно усиливающимся материальным и интеллектуальным взлетом (и с возрастающе сопутствующей этому процессу «бескомпромиссной» жестокостью). Миром правит социально давящая изменчивость. Женщины получили отказ.

В одной американской книге о 100 великих деятелях человечества 98 – это мужчины. Яснее не скажешь. Оттесняя культуру, цивилизация гипертрофирует человеческое в человеке. Да, Л. Бетховен – гений. Послушаем, к примеру, его оценку В. И. Лениным – человеком, титаническая деятельность которого благодаря Великому Октябрю 1917 г. сберегла от разрушительного воздействия капитала социальную форму движения материи. Ильич рассуждает:

«– Ничего не знаю лучше *Appassionata*, готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

И, прищурясь, усмехаясь, он прибавил невесело:

– Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя – руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм, – должность адски трудная!» [2, с. 457].

Главное – повествует приводимый отрывок из воспоминаний А. М. Горького (1868–1936 гг.) – это то, что люди живут в «грязном аду» и творят великое искусство. Запад, создавая невыносимые жизненные условия, по крайней мере для тех, кто не с ним, заглушает их художественным совершенством, являющимся – прибегая к популярной метафоре – опиумом для народа. И великое искусство (точнее – творцы его) не осознает это в отчуждающем себя от неестественной жизни обществе. Воспроизводимая органом слуха музыка в широких социальных перекосах выступает мощным иллюзорным накатом, за которым трудно обрести «вменяемую жизнеспособность». Сегодня роль иллюзорного звукового компенсатора играет «музыкальный ширпотреб» как «духовный путь» к потребительству, являющемуся «единственно возможным обоснованием» смысла жизни. Фактически его, конечно, нет. Есть абсурд, возведенный в «смыслообразовавшуюся нелепость». Вездесущие СМИ пытаются придать ей видимость «ненарочитого смысла жизни». Они прикрывают эпопею самоотчуждения человечества (и прежде всего это касается широких масс трудящихся) посредством иллюзий (таких как «зло приходит с Востока», «глобализм придает каждому возможность заявить о себе; мир услышит взывающего и придет ему на помощь», «Соединенные Штаты Америки несут благо человечеству»...), а также возведенной в абсолют пропагандой несправедливой жизни. Противостоя этому, музыкальное совершенство призвано содействовать популяризации действительных, а не мнимых (т. е. разъединяющих людей) связей. В этом отношении Сократ (469–399 гг. до н. э.) или Сын Человеческий (Хри-

стос) (1–33 гг. до н. э.), связавшие свои жизни с массами, – именно такие личности переживают состояние общепризнанного героического энтузиазма.

Обращаясь к Одиссею, мы находим его вполне цивилизованным европейцем (у Гомера он слышит «хитроумным»). По-нашему, это означает, что ему «все дозволено»; но великий гуманист Гомер, учивший «Илиадой» ненавидеть войну, «пресекает» эпатажность любимого им персонажа). Он расчетливо оперирует своей природой, т. е. вполне рационально ее выстраивает. Применительно к слуху это выражено в том, что, понимая силу пения (а также вербализации как таковой), Одиссей – по отношению к спутникам – выводит его (т. е. слух) за пределы применимости и этим спасает их от гибели. Сам же он с «отверстыми ушами» «неистово» наслаждается мелодиями сирен, и, значит, магия звуков как торжество воспроизводимой нами иллюзии может быть смертельно опасной, и ее всеми силами следует избегать. Это и осуществляет рационалист Одиссей, найдя на корабле вполне безопасное место (как человек раскручивающейся «жизненно необратимой суматохи» Одиссей сделал это место безопасным благодаря проявленным и вполне рационально выраженным усилиям; сиренам такое, конечно же, не снилось, поскольку они не поднялись до нужного уровня цивилизационно насыщенной индивидуализации). Рассматриваемую ситуацию можно охарактеризовать как «эксперимент Одиссея».

Ухо, если оно прикрито, не в силах оперировать существующей за пределами субъекта и отождествляемой со звуком изменчивостью. Звук – посредник между нею и субъектом и служит точкой опоры в их связях. Как точка опоры он, с одной стороны, объективен (отсюда довольно часто звук относят к реальной действительности, связывая его с волновой процессуальностью; так вызываемый пролетающим самолетом звук мы приурочиваем к нему, а не к нашему органу слуха); с другой – явно субъективен, поскольку для человека звук находит претворение в слухе как результате индивидуализированной деятельности. При встрече с сиренами спутники Одиссея чувствуют себя спокойно. Одиссей заранее все продумал. Прекрасно осознавая «иллюзионизм» ощущения слуха в меняющейся обстановке, Одиссей в сложившейся пограничной ситуации до минимума сократил его влияние. Надо полагать, что Одиссей в целом понимает несовершенство чувственного уровня применительно к конкретной обстановке и заранее обставляет его интуитивно насыщенными рациональными (напоминающими картезианскую интеллектуальную интуицию) вехами.

Диалектическое развертывание дистантных ощущений – вклад в предстоящее освоение дальнего Космоса. Следуя им (указанным вехам), далее взглянем на звуко-слуховые сложности, присущие человеческому уху. Поскольку звук – по ходу изложения – тождественен слуху, а ухо как орган слуха еще отвечает за равновесие, мы приходим к пониманию того, что ухо, будучи органом равновесия, несет ответственность за восприятие организмом изменчивости. Ведь равновесие – это сбалансированная изменчивость и в то же время не доводимая до предела устойчивость. Оперировав равновесием, организм лишь закрепляет слухом свою последовательно проводимую изменчивость. Ухо же (орган слуха) – вбирающее как бы объективированно-звуковую данность (которая, соприкасаясь с органом слуха, приобретает

субъективный оттенок, «отстраняясь» от взаимодействия с объектом), – исторически (т. е. ведомая изменчивостью) сложившаяся структура. И как таковой орган слуха, выполняющий «рекомендации» рассудка, способен отделить «зерна от плевел» – отвести иллюзии от «жизненного актуальности». Кроме того, проживаемая индивидом изменчивость, нуждаясь в зрительной поддержке, характеризуется в своей дискретной определенности как единство чего-то изменчивого и чего-то несомненно устойчивого. На своей территории орган слуха предоставляет упомянутому единству «уютный уголок» (И. А. Крылов (1769–1844 гг.)). Изменчивость как инобытие устойчивости смиряется здесь со своим «подчиненным» положением, и ухо – орган равновесия – открывает перспективы человеческому существованию через таящуюся в иллюзии фантазию (попутно опять напомним, как, оперируя ею при столкновении с сиренами, Одиссей, замазывая спутникам уши воском, доставляет себе радость наслаждаться чудным пением. Одиссей проникается положительной оценкой иллюзий, коль скоро они, сдерживаемые рассудком, содействуют совершенствованию нормальных бытовых условий).

Фантазия же, как мы видим, смыкается здесь с установками рацио. Ухо, в котором звуко-слуховая реальность вполне иллюзорна (ведь она наблюдает в изменчивости инобытийность зримо воспроизводимой устойчивости), как орган равновесия содержит пространственно схваченную устойчивость. Этим орган слуха подчеркивает связь изменчивости с устойчивостью. Поскольку, однако, изменчивость является инобытием устойчивости, она обретает статус иллюзии. Но иллюзия эта особенная. Принадлежит субъекту деятельности, она являет отраженный свет той инобытийности, которая напрямую выверяема предметно насыщенной устойчивостью. Многоаспектное хозяйство внешнего, среднего и внутреннего уха осуществимо фокусом содержательного единства обеих сторон движения – изменчивости и устойчивости. При этом изменчивость, повторимся, находит себя в иллюзорно воспроизводимых звуке и слухе, устойчивость же – во внеиллюзорном равновесии.

При рассмотрении эксперимента Одиссея наблюдается сопричастность иллюзорного в происходящем, иллюстрацией чего служит «беззвучие» плывущих мимо сирен моряков, воображающих свою непричастность к событию, с рационально выраженным предметным раскрытием изменчивости. Моряки наблюдают за тем, как они минуют остров сирен, а те не в силах что-либо предпринять. И если ухо как средство слуха и равновесия «собирает» звук, находящийся себя в деятельностном самоопределении субъекта в качестве слуха, то одновременно с этим иллюзорность слуха преодолевается предметно воплощающимся равновесием субъекта. При этом слух оставляет позади компоненты своей иллюзорности, и они растворяются индивидуально-жизненным повседневом. Так вполне произвольно осуществляемая субъектом слуховая реальность приобретает действительное, а не мнимое наполнение. Повторимся: содержит иллюзию, слух тем не менее своевременно растворяет ее в инобытии. Последнее, пребывая в статусе изменчивости, уносит иллюзию с видимых пределов, и субъект деятельности содержательно оперирует изменчивостью, корректируя ее вехами зримо наблюдаемой устойчивости в ее пространственном «заполнении».

Это наглядно демонстрирует Одиссей. Сполна погрузившись в иллюзорное состояние от пения неотразимых сирен, он, привязавшись к мачте, упредил опасность от непосредственного общения с ними. Заглушаемое упоительным звучанием сознание Одиссея впадало в слуховое неистовство, что означало торжество иллюзии над его – Одиссея – менталитетом. Но предварительно поработав над собой, Одиссей, вполне рассудочно скорректировав поведение, вышел победителем в мощном столкновении с субъектно заданной иллюзорностью. При этом само по себе прослушивание чарующих звуков укрепило Одиссея в его бытийно-статусном амплуа. Будучи на высоте положения, этот кумир цивилизующегося человечества подчиняет иллюзию собственному благополучию. Опыт Одиссея вызывает варианты его, опыта, творческого применения. Конструктивное рассмотрение уха как органа слуха и равновесия актуально в том отношении, что здесь наблюдается тесная сопряженность слуховой иллюзии – замысловатого детища изменчивости – как воплощения инобытийности бытия с внеиллюзорным состоянием равновесия, и это важное обстоятельство наконец-то позволяет признать за слуховой иллюзией ведущую роль в осуществлении социально заангажированного движения с выведением его – благодаря вытекающей из слуха вербализации – на субъектно совершенствующуюся ментальность. Значит, наша духовность достижима в условиях синтеза устойчивости и изменчивости – в тесной взаимообусловленности иллюзии и предметной радиовоспроизводимости.

Иллюзия, насыщенная фантазийным ресурсом, может выйти из-под контроля рассудка, и абсолютизация его – данного ресурса – связывает духовность с фантазийно же порожденной религией. Закрепляя наш уют, религия контекстом служения ему придает живой жизни иное, направленное на служение Богу, измерение. Затрагивая эту тему, полагаем, что она требует взвешенного подхода.

Заключение

Элиминируя иллюзорно-религиозный настрой человечества, дистантные ощущения содействуют космическому проецированию социальной формы движения материи. Итак, мы попытались уточнить роль дистантных ощущений в поисках ответов на сложнообъективированные вызовы. Дистантные ощущения, охраняя внутренние переживания и «телесную неприкосновенность» индивида, осуществляют это преодолением накопившихся в них иллюзий. Последние, если своевременно – с помощью рассудка и практики – не перечеркнуть их «негации», могут серьезно ущемить личность. Скрывающаяся за «иллюзорным маревом» религия, стремясь выйти из-под его контроля, содействует преодолению неадекватно воспроизводимой действительности. Делает она это для того, чтобы занять освобождающееся от «марева» место. «Играя» с иллюзиями, религия отнюдь не снимает проблему социоотчуждения.

Связанные с иллюзиями дистантные ощущения расчищают от них дорогу рационально-практическому освоению мира. И в охватывающем нас инфомассиве следует приложить недюжинные усилия с целью четкого разведения дистантными ощущениями продуктов иллюзорного «освоения» действительности от результатов подлинно научного ее преобразования – с

последующим применением их в практике по сохранению социальной формы движения материи. Защищая ее от нежелательных издержек при складывающемся диалоге с Космосом, предоставим дистантным ощущениям карт-бланш в последовательном очеловечивании – антропоморфизировании – Вселенной. Еще с древних времен становящаяся наука *астрономия* своим зарождением была обязана ощущению зрения. Не в силах чувственно охватить пространство, зрение подталкивало интеллект (куда оно включено вместе со слухом) к осознанию «пространственного беспредела» через актуальную и потенциальную *бесконечность*. Отсюда дистантное ощущение зрения (то же можно сказать и о слухе, открывающем интеллекту «вечность» – с учетом его, т. е. слуха, специфики, связанной с раскрытием изменчивости) ведет разум к познавательным высотам. Чем решительнее – под радиопрактическим воздействием – дистантные ощущения станут освобождаться от иллюзий, тем более тесно сплотятся человек и Вселенная. В начавшемся «осоциализации» Космоса зрение, теперь уже обогащенное достижениями НТР, более умело – не в духе прежнего антропоморфизма как наивного в научном отношении приобщения к Космосу, но в целом состыковываясь с человеческой духовностью, – продолжает, опираясь на телесность и вместе с тем научно ее аранжируя, приобщать человека к Космосу, а Космос – пока за счет его спутникового освоения, а впоследствии более массивно – приближать к человеку. Совершенствующийся (при технической поддержке) слух является надежным партнером зрения. Ведь главное, что ожидает человека в Космосе, – продолжить в нем развертывание социальной формы движения материи.

Здесь станут складываться многообразные «иллюзорно-религиозные финты», раскрывая которые немеркнувший эксперимент Одиссея обретет новое дыхание. И дистантные ощущения, открывающие дверь научному познанию, предстанут активными участниками постижения «космических далей» («постижение» здесь приближено к «голограммности»). Связанное с познанием постижение усиливает его подключением к духовно-практическому (следовательно, образно запечатлеваемому) ареалу. И прежняя наивная антропоморфизация Космоса приобретет научно-практическое обеспечение, что облегчит его – Космоса – освоение воздействием «состыковывающейся» с ним социальной формы движения материи.

Теоретически обосновывая положение, согласно которому эволюция Вселенной неизбежно выводит ее на самопознание, мы можем с уверенностью полагать, что Вселенная – теперь уже привязкой ее к социальной форме движения материи – постигает собственную аутентичность, а ощущения зрения и слуха позволяют в этом ей удостовериться. У них еще много работы в раскрытии универсально складывающейся философии – материалистической философии всеединства.

Список литературы

1. Гомер. Одиссея // Библиотека всемирной литературы. Сер. 1. Т. 3. М. : Худож. лит., 1967. С. 410–708.
2. Горький А. М. В. И. Ленин // Библиотека всемирной литературы. Сер. 3. Т. 149. М. : Худож. лит., 1975. С. 429–462.
3. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 18. Изд. 5-е. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. 525 с.

4. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Библиотека всемирной литературы. Сер. 2. Т. 104. М. : Худож. лит., 1977. С. 29–200.
5. Тютчев Ф. И. От жизни той, что бушевала здесь // Библиотека всемирной литературы. Сер. 2. Т. 106. М. : Худож. лит., 1974. С. 60–61.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Дialeктика природы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 20. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1961. С. 349–628.

The Nature of the Distance Sensations in Relation to the Illusive and Religious Aspect of Individual's Spiritual Mood. Invitational Paper

N. S. Konoplev

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The paper considers the illusory component of distance sensations of an individual making his or her consciousness get closer to religion. According to the author, the analysis reveals connection of illusions of sight and hearing with religion, and leads the reader to the conclusion that reason and related practice contribute to overcoming illusions.

Keywords: distance sensations – sight, hearing; spirituality, illusions, religion, Homer, Odyssey, sirens, Plato, Aristotle, F. Engels, V.I. Lenin, the energy of external stimulation, sound, hearing, being, other being.

For citation: Konoplev N.S. The Nature of the Distance Sensations in Relation to the Illusive and Religious Aspect of Individual's Spiritual Mood. Invitational Paper. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2019, vol. 29, pp. 101-117. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.29.101> (in Russian)

References

1. Homer. Odisseya [Odyssey]. *World Literature Library. Series one. Vol. 3*. Moscow, Fiction Publ., 1967. pp. 410-708.
2. Gorky M. V.I. Lenin. *Library of World Literature. Series Three. Vol. 149*. Moscow, Fiction Publ., 1975, pp. 429-462.
3. Lenin V.I. Materializm i ehmpiriokrititsizm [Materialism and empiriocriticism]. *Complete Works Vol. 18*. 5th ed. Moscow, State Publishing House Watered. lit., 1961, 525 p.
4. Pushkin A.S. Eugene Onegin. *Library of World Literature. Series two. Vol. 104*. Moscow, Fiction Publ., 1977, pp. 29-200.
5. Tyutchev F.I. Ot zhizni toj, chto bushevala zdes [From the life of the one that raged here]. *Library of World Literature. Series two*. Moscow, Fiction Publ., 1974, vol. 106, pp. 60-61.
6. Marx K., Engels F. Dialektika prirody [Dialectics of nature]. *Cit. Vol. 20*. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961, pp. 349-628.

Коноплев Николай Сергеевич

доктор философских наук, профессор,
кафедра философии и методологии науки,
отделение философии и теологии,
исторический факультет
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-39-95
e-mail: philosophychair_isu@mail.ru

Konoplev Nikolay Sergeevich

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Department of Philosophy and Methodology
of Science, Department of Philosophy and
Theology, Faculty of History
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
tel.: 8(3952)24-39-95
e-mail: philosophychair_isu@mail.ru

Дата поступления: 20.08.2019

Received: August, 20, 2019